

ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫМ ПРИНАДЛЕЖИТ ВИС

Я подошёл ко входу в кафе, где должна была состояться встреча.

Меня трясло, но не от страха. Это была та дрожь, которая задаёт простой вопрос: правильно ли я поступаю — или всё-таки перешёл черту?

Был и другой вопрос: что я получу от этой операции? Какие цели я спрятал от самого себя так глубоко, что и сам уже не могу их распознать?

Я потянулся к розе, выставленной напоказ, оторвал три лепестка и надушил ими лицо. Лосьон после бритья в дорожный бюджет не входил, но мне не хотелось являться, неся на себе один только запах мужчины.

Я был на родине Жоржа, сына L'Oréal, а эта компания научила меня многому.

Я включил музыку со своего сайта — фоновым саундтреком. По случайности заиграла та самая мелодия, которую когда-то исполняли вдвоём мои отец и дед: мандолина и гитара. Они были со мной. Мы вошли втроём.

Chanel увидела меня издалека и подошла и тепло обняла меня, словно мы старые друзья, встретившиеся после долгих лет. Высокая. Блондинка. Голубые глаза. Волосы аккуратно собраны. Захватывающее дух явление, обёрнутое в тёмно-синее платье. На мгновение мне почти захотелось спросить её, где тут найти церковь, и немедленно с ней обвенчаться.

Она провела меня к столику. Там ждали шесть женщин. Встреча вот-вот должна была начаться, а я уже знал, что никакого противостояния не будет. Я страдал врождённым пороком: умел проигрывать, выигрывая.

Я стал знакомиться с каждой по очереди, не пытаясь вычислить, кто за столом главная. Это выяснилось само собой секунд через десять.

Первая назвала имя и фамилию, и я, как и подобает человеку Gillette, поцеловал ей руку. Потом проделал то же с каждой из сидевших за столом, даря каждой улыбку и своё «Enchanté». Made in Calabria.

И лишь после этого я назвал собственное имя, ничуть не сомневаясь, что каждая из них и так знает, кто я такой.

Они спросили, что я буду пить, не хочу ли позавтракать, может быть, пирожное. Я объяснил, что персонал моего привычного отеля ни за что не выпустит меня утром, пока своими глазами не увидит серьёзный завтрак. Все расхохотались.

Потом они спросили, впервые ли я в Париже. Я рассказал, что много лет назад работал на берегах Сены, в садах у реки: собирал цветы и каждое утро свежими доставлял их в собор Парижской Богоматери. Делал я это в ожидании, что Мадонна окажет мне милость и устроит вот эту самую встречу с ними шестью. Я никогда в этом не сомневался. В конце концов, это было обещание женщины.

Они улыбнулись. Атмосфера потеплела. В разговор вошла эмпатия.

Потом одна из них спросила: «Господин Фрега, что вам больше всего нравится во Франции?»

«Что за вопрос? — ответил я. — Ответ очевиден».

ВІС.

Разговор сразу принял приятный оборот.

Чуть позже мы решили продолжить за обедом и прошли метров сто по Елисейским Полям. Но всю дорогу я замечал одних и тех же мужчин — троих, а то и пятерых, — наблюдавших за нами издалека. Я заметил их с самой первой минуты. А они заметили меня. Это была охрана. Никогда — слишком близко. Никогда — слишком далеко.

Мы вошли во французский ресторан. Типичный французский ресторан, где почти ничего не ешь, а платишь целое состояние.

Я подозвал Chanel. Она тут же подошла.

«Что случилось?»

«Мы уходим».

«Уходим?»

«Да. Я веду вас всех поесть в одно место».

Целую минуту они стояли как вкопанные. Гость, который ведёт танец, — к такому они не привыкли. Но моё предложение было настолько убедительным, что все пошли за мной. Как куры за петухом. Впрочем, мы ведь и были в стране петуха.

Мы дошли до первой попавшейся пиццерии с сэндвичами. Прежде чем войти, я подошёл к хозяину.

«Мне семь сэндвичей, по пять евро каждый, вместе с напитками».

«И плачу я».

Договорённость была достигнута. Хорошее впечатление — тоже.

Мы вошли. Они выглядели совершенно ошеломлёнными, будто неслись на крыльях летающих коней и не могли толком понять, что происходит.

Они были внутри GILLETTENARRATIVE. И ни одна из них об этом ещё не знала.

Фердинандо